

мне поломал» (В. Леонтьев. Антымавле — торговый человек). Данное слово с пометой «обл.» толкуется в русских словарях как «белый медведь» [14, с. 740]. При использовании в художественном произведении русской параллели в составе авторской речи определение «белый», входящее в дефиницию, опускается. Это объясняется конкретностью темы и содержания, отображением природных особенностей Севера, когда самое определение становится ненужным, лексически избыточным по своему смыслу. Ср.: «*Медведя он не боится, и в упряжке вожак (...) — Умка еще придет, — вспоминает вчерашнюю историю Теюнэ*» (А. Мифтахутдинов. Дни ожидания хорошей погоды). Специфика рассматриваемого слова подчеркивается при его применении в сравнительных оборотах, которые нацелены на видение национального персонажа. Сравнение может включаться как в прямую речь, так и в несобственно-прямую. Например: «— Ловким, как горноста́й, был твой отец, сильным, как *умка*» (В. Леонтьев. Антымавле — торговый человек); «Прита́йтся надо, как прита́ивается *умка* у тороса» (Н. Шундик. Быстроногий олень).

О характерности данной лексики для чукотского языка свидетельствует ее использование в составе топонимического деривата, который, подобно нарицательным словам, сопровождается русской параллелью — переводом национального топонима: «— *Умкимир* — Медвежий остров, — определил Тымнеквын. — Отсюда умки по всему морю расходятся» (В. Леонтьев. Антымавле — торговый человек). Двухязычный параллелизм наименований наблюдается также при смысловой координации национального и русского терминологического сочетания; такой параллелизм часто структурно обусловлен диалогической формой речи (между русским и национальным персонажем): «— Вот смотри, — говорил Вири. В руках у него были длинные стебельки. — Это *нутачай*... — Гм... спирея Стевена, определил Маркин» (А. Мифтахутдинов. Наблюдатель).

Немалый интерес представляют собой наименования из национальных языков народов Севера, которые служат для обозначения повсеместно распространенных реалий, связанных с развитием современной техники. В таких наименованиях нередко проявляется образное мышление народа, ассоциации с окружающим миром природы, ср.: «— *Канаэльхын!* — показал в сторону горизонта остроглазый старик Мэчинки. Кашеев долго всматривался. — Точно! Смотри-ка...

„Канаэльхын“ с чукотского — „бычок“. За внешнюю схожесть с этой рыбой так и прозвали чукчи вертолет, как только увидели его впервые» (А. Мифтахутдинов. Совершенно секретное дело о ките). Здесь двухязычные номинации вступают в соотношение с категориями «образ персонажа» — «образ автора-рассказчика». Слово национального языка оформляется как реплика персонажа; его функциональное преобразование происходит в речи автора, имеющей характер комментария. Об «отчуждении» от воспроизведенного в тексте живого употребления сигнализируют кавычки, сопровождающие также и буквальный перевод национального слова на русский язык. Таким образом, авторская речь содержит три номинации одной реалии: национальное слово («канаэльхын»), его русский перевод («бычок») и общепринятое в русском языке обозначение (*вертолет*).

При двухязычном параллелизме внутритекстовая семантизация национального слова может варьироваться в пределах семантически близких русских слов (существительных). Ср., например, использование чукотской лексики *акын* у В. Леонтьева и Ю. Рытхэу в составе авторской речи: в первом контексте описывается изготовление предмета, обозначаемого указанным словом, во втором — его применение: «Делает молодому зятю старик Тымнеквын ремень для *акына*. Охотник в море без *акына* — что человек без рук (...) Не каждый может сделать хороший *акын* — трудное это дело. Растянет старик ремень на стойках. Подсушит его солнце, дождь смочит. Вытянет его до предела Тымнеквын и опять натянёт. И так до тех пор, пока не перестанет вытягиваться ремень. Обстругает его потом ножом,